

УДК 930.85

**СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СТАРОЛАТИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ
БИБЛИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКЗЕГЕТИКЕ XII ВЕКА:
КАЗУС ГУГО ФОЛЬЕТСКОГО**

DOI: 10.25629/НС.2021.12.03

Редькова И.С.

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44125\21

Аннотация. В данной статье на примере трактата регулярного каноника Гуго Фольетского «Об обители души» исследуется, как цитирование отцов Церкви, использование старолатинских, отличающихся от стандартного перевода Иеронима цитат Библии создает особенный, узнаваемый стиль экзегета. Особое внимание уделяется кругу чтения автора, выявляются наиболее часто цитируемые отцы Церкви. В статье также поднимается вопрос, как связан обнаруженный в латинских манускриптах В72 (Дюссельдорф), Cod. 1008 (Кёльн), Vodl.30071 (Оксфорд) текст «О лицемерах» с трактатом «Об обители души» – является ли обнаруженный в европейских библиотеках комментарий добавлением, вставкой, отдельной книгой. Проблема авторства и соотношения этих текстов между собой исследуется через круг текстов, которые цитируются в трактатах, особое внимание уделяется анализу того, как отличные от Вульгаты переводы Ветхого Завета влияли на стратегию толкования текста и создавали оригинальные экзегетические цепочки, становившиеся маркерами стиля автора; рассматриваются пути рецепции старолатинских цитат в текстах XII в.

Ключевые слова: старолатинские переводы, Гуго Фольетский, регулярные каноники, экзегетика, Библия, Григорий Великий, Бенедикт.

Введение

Религиозная практика Средневековья свидетельствует о сосуществовании нескольких переводов Библии на латинский язык. Помимо распространенного и укрепившегося к концу раннего средневековья перевода Иеронима, известного как Вульгата, продолжают бытовать первые латинские переводы Библии, получившие название *Vetus Latina*. Если употребление старолатинских цитат Писания в сочинениях латинских отцов Церкви объясняется тем, что эпоха становления Вульгаты как общего для латинского Запада корпуса текстов Писания растянулась на несколько столетий, и вызывает у ученых интерес как материал для осмысления рецепции терминологии одной культуры и традиции в языке другой [4], то бытование старолатинских цитат в текстах более поздних эпох и вовсе обходится молчанием. В то же время сосуществование одновременно нескольких вариантов библейского текста – факт, который далеко не всегда фиксируется исследователями, – порождает «оригинальные» толкования, которые, тем не менее, остаются в рамках традиции, с другой – создает уникальный стиль автора, определяемый и кругом его чтения, и методом, который он использует при интерпретации. Один из таких случаев я хотела бы показать на примере трактата Гуго Фольетского «Об обители души», который был достаточно популярен в средневековой монашеской среде.

Гуго Фольетский: аскет и богослов

О самом Гуго Фольетском известно очень мало. Он был приором небольшого монастыря регулярных каноников, расположенному вблизи замка Эли, недалеко от Корби и Амьена и был назван Фольетским по месту своего рождения Фольето, пригород Корби [6]. Вероятно, семья Гуго получила Фольето как держание от аббатства Корби. По собственному же свидетельству

автора, он первоначально был клириком в бенедиктинском монастыре Корби, но потом стал регулярным каноником [2]. Вероятно, именно пребывания в бенедиктинском монастыре позволили Гуго глубоко познакомиться и изнутри узнать жизнь монаха в обители, и этим же объясняется частые отсылки на Устав в трудах регулярного каноника. В 1132 г. Гуго поручили заботу о дочернем монастыре святого Николая в Ренье недалеко от Мондидье, а в 1152 г. он становится приором монастыря святого Лаврентия, где скончался в 1172-1174 гг. [1].

В настоящий момент в историографии выделяют следующий корпус работ Гуго Фольетского: «Об обители души», «О лекарстве для души», «О птицах», «О браках», «О пастухах и овцах», «Видение некоего монаха», «Азбука покаяния», проповеди. Самым известным произведением Гуго Фольетского считается теологический трактат «Об обители души» [1]. Первым регионом распространения этого текста была Пикардия с центром в Корби, именно здесь жил и трудился Гуго, а вторым центром стала Бургундия, прежде всего аббатство Клерво, один из четырех главных монастырей ордена цистерцианцев. Тексты регулярного каноника интересовали цистерцианских монахов: например, Геррик, настоятель аббатства Иньи, дочернего монастыря Клерво, рекомендовал Гуго общине регулярных каноников Сен-Дени в Реймсе в качестве настоятеля. Гуго, правда, встать во главе этой общины отказался, но именно благодаря интересу цистерцианцев трактат Гуго получил широкое распространение.

Рукописи и издания трактата «Об обители души»

Трактат «Об обители души» долгое время считался сочинением Гуго Сен-Викторского, и даже издание аббата Миня однозначно не говорит об авторстве Гуго Фольетского. «*De clauastro anime*» печаталось в том же томе, что и труды Гуго Сен-Викторского, хотя в аппендиксе. Кроме того, в титуле издатель пишет «Гуго Фольетский, как кажется». Опубликованный в «Патрологии» труд состоит из четырех частей: «О вере», «О материальной монастыре», «Об обители души», «О райском монастыре». Часто в рукописной традиции представлен сокращенный вариант трактата, где опускается первая книга, рассказывающая в целом о религиозной жизни, и четвертая, повествующая о мистическом Иерусалиме. Вторая и третья книги трактата, однако, рассказывают о дурных монахах, чтобы показать видение настоящей монашеской жизни – обитель души. Критического издания текста «Об обители души» до сих пор не существует. Как сообщает историк Иван Гобри, во французских библиотеках существует около 60 рукописей этой работы, датируемых XII веком [7], всего известно 515 рукописей. Первое печатное издание «*De clauastro anime*» датируется 3 января 1504, и в нем текст атрибутируется Гуго (*domno Hugonis Folietini*) [1], хотя последующие издания трактата в 1526, 1588, 1648 гг. относят его к трудам Гуго Сен-Викторского.

Проблема V книги трактата «Об обители души»: вопрос атрибуции и расположения в тексте

При работе с рукописью В71 в университетской библиотеке Дюссельдорфа была обнаружена текст, который следовал за четвертой книгой трактата «Об обители души» и был озаглавлен как пятая книга того же текста с подзаголовком «О лицемерах» (*De ypocrita*) [9], также в кельнской рукописи Cod. 1008 [10] этот текст обозначен как отдельное произведение. Один из крупнейших исследователей творчества Гуго Фольетского И. Гобри, в свою очередь, сообщает о существовании текста «О притворстве лицемеров», который был ему известен только по двум манускриптам XIII в. [7]. Ученый уверен, что текст был просто добавлен к рукописи «Об обители души». В оксфордской рукописи Bodl. 30071 [11] (сигнатура этой рукописи в каталоге библиотеки выглядит как Lat. Th. E 5) он следует сразу же за третьей книгой, которая обрывается на середине 9-й главы. И хотя И. Гобри отмечает, что речь и стиль соответствуют трактатам Гуго Фольетского, он все-таки считает, это анонимный труд [7], приложенный к трактату.

Однако, здесь можно не согласиться с французским историком: если обратить внимание на содержание книг II и III, где повествуется о искушениях монастырской жизни, и книги V, повествующей о лицемерах, живущих в конvente, логика писца, включившего книгу V сразу после книги III, становится очевидной. V книга – «О лицемерах» – логически развивает тему, которой завершается отрывок 9-й главы 3 части: он заканчивается на теме толкования сна в

библейских текстах: Иова во прахе (Иов 7:21), Самсона на коленях Далилы (Суд. 16:14) и Петра в темнице (Деян. 12:6) и призывом «воспрячь ото сна, разорвать узы, взять постель свою и пойти» (*solve vincula colli tui, tolle grabatum tuum et ambula*). Образ сна подхватывает и первая глава части «О лицемерах»: она начинается с образа сна Иисуса в Гефсиманском саду: «Итак, уснул Христос» (*dormivit igitur Christus*). Таким образом, переписчику XIII в. показалось вполне уместным поставить текст «*De uroscritis*» сразу после 9-й главы III книги.

Уместно будет обратить внимание на то, что IV книга трактата посвящена толкованию Иерусалима и его архитектурного ландшафта на различных уровнях экзегезы, поэтому тематически третья и пятая часть трактата более тесно связаны между собой. Следует отметить, что диюссельдорфская рукопись B71, а также кельнская рукопись Cod.1008 имеют другую разбивку, которой, видимо, следовал издатель первого печатного издания этого труда. Очевидно, что издатель пользовался иным источником, чем оксфордская рукопись, причем оба протографа указывают на Гуго Фольетского как на автора.

Святоотеческие цитаты в трактате Гуго Фольетского

Гипотезу авторства Гуго Фольетского в трактате «О лицемерах» подкрепляет и стиль, характерный как для V книги, так и для первых четырех. Это сознательный отказ от сложных, тяжелых оборотов речи, о чем сам Гуго говорит в прологе к I книге: «Я старался, чтобы те высказывания других, которые мне показались темными, изложить проще и яснее» [8, Col. 1131], предпочтение определенных словосочетаний, которые в равной степени часто встречаются во всех частях трактата (*requies divine contemplationis* (покой божественного созерцания), *fructus laboris* (плод труда [8, Col 1095D; 9, 139r]), особенности построения интерпретации по топологическому методу толкования [2]).

Корпус источников, на который опирается автор и в первых четырех книгах «Об обители души», и в пятой книге «О лицемерах», совпадает: это Иероним, Августин, Григорий Великий [13]. Гуго не только строит свои толкования с опорой на святоотеческую традицию, но даже цитирует Писание теми старолатинскими цитатами, которые известны только по сочинениям отцов Церкви. Например, в V книге, автор обращается к стиху 40:19 из книги Иова, но цитирует его не по Вульгате, а в формулировке, которая дошла до нас в «Моральных толкованиях на книгу Иова» Григория Великого: «*Numquid capies Leviathan hamo?*» (Разве не поймашь Левиафана крючком?). В данном случае Гуго ссылается на книгу Иова, а не на Григория, однако сам анализ текста показывает, что это произведение, откуда заимствована цитата, неоднократно привлекается в первых четырех книгах. Парафразы в тексте «Об обители души» встречаются даже без отсылок на этого отца Церкви: «*aedificium bonae vitae*» (строение благой жизни) [9, 136r].

Не менее важным становится для автора фигура св. Бенедикта, которую он знает как по «Житию св. Бенедикта», изложенному в «Диалогах» Григория Великого, так и по Уставу. Гуго указывает на необходимость испытывать желающих стать монахами: «Поэтому и муж святой Бенедикт приказывает испытывать дух обращающихся, от Бога ли они» [9, 136r]. В данном случае имеется прямая отсылка к 59-й главе Устава святого Бенедикта, где предписывается испытывать новичков, и, вероятно, Гуго пересказывает эту часть по памяти. Вопрос об искренности будущих монахов важен для автора в контексте рассмотрения проблемы лицемеров в обители, поэтому он ссылается на наиболее авторитетный монашеский текст в поиске аргументации. Отсылки к уставу и житию Бенедикта можно встретить и в первых четырех книгах «Об обители души» [13], например, Гуго упоминает ученика Бенедикта Мавра [8, 1099D], пересказывает знаменитый эпизод из «Диалогов», как Бенедикт справился с влечением плоти путем истязания себя [8, 1083A].

В текстах книги V можно констатировать не только перекличку цитат из одного корпуса святоотеческих текстов, но и внутреннее единство интерпретируемых сюжетов, в частности, образа Вавилона и утвари [3]. В книгу он посвящает проблеме лицемеров в монашеской общине, которые приняв монашеские обеты, продолжают иметь мирские стремления. Такой человек, по словам Гуго, подобен тому, кто в золотой вазе, намазанной медом, скрывает в себе яд. «Золотая чаша есть Вавилон, так что узревший золото перестает бояться яда». Сюжет Вавилона и чаш перекликается с оригинальной интерпретацией идолопоклонства Вавилона с

культом чревоугодия. Он сопоставляет ставшее традиционным толкование Вавилона как *confusio* ('смешение') с цитатой апостола Павла из третьей главы Послания к Филиппийцам: «их конец – погибель, их бог – чрево, а слава их – в сраме (*in confusione*)». Идолопоклонство Вавилона рассматривается в качестве культа желудка, греха чревоугодия. Богам положено строить храмы, возводить алтари, назначать управляющих, приносить жертву, жечь благовония. В Вавилоне храм богу желудка – кухня, алтарь – стол, жрецы – повара, заколотые животные – отваренное мясо, дым благовоний – запах яств.

Эту оригинальную интерпретацию Вавилона Гуго подкрепляет старолатинским переводом книги Царств (IV Reg. 25:15), согласно которому «начальник над поварами» (*princeps coquo-rum*) разрушил стены Иерусалима, перенес сосуды Господни в дом царя Вавилонского и превратил вазы храма, то есть сосуды божественной трапезы, в кухонную утварь. В греческой традиции бытования этого текста данное лицо обозначено как архимагир (*αρχιμάγειρος*), то есть буквально «начальник над поварами», хотя в переводе Иеронима он фигурирует как начальник над воинами (*princeps militiae*). Эту старолатинскую цитату Гуго, очевидно, заимствует из «Моральных толкований на Иова» Григория Великого.

Такая традиция перевода данного стиха фиксируется у Григория Великого, встречается Исидора Севильского, позже ее можно обнаружить у Хинкмара Реймского (IX в.), Петра Дамиани (XI в.), и чаще у авторов XII века – у Руперта Дойцкого, Петра из Пуатье, Петра Кантора, Гилберта Богослова. В целом анализ экзегетических цепочек показывает, что этот перевод принадлежит Григорию, и она не была распространена в западноевропейской экзегетике. Более частое употребление данной цитаты у авторов XII века объясняется, в свою очередь, их вниманием к творчеству Григория Великого, которое было вызвано движением за реформу Церкви и обновления монашеского общежития.

Выводы

Хотя в прологе к первой книге трактата «Об обители души» говорится, что данное сочинение будет состоять из четырех книг, можно осторожно предположить, что текст, обозначенный в рукописях В 71, Cod. 1008 и первом издании «De clauastro» как пятая книга *De clauastro animae*, не только принадлежит перу Гуго из Фольето, но также был написан как продолжение или часть этого трактата. Единый корпус святоотеческих текстов, особая любовь автора к «Моральным толкованиям на книгу Иова» Григория Великого, отсылки к жизни и аскетическому подвигу св. Бенедикта, единство интерпретируемых сюжетов, использование старолатинских цитат Библии – все это не оставляет сомнения, что перед нами текст одного автора. Неочевидным остается вопрос о месте текста «О лицемерах» в трактате: рукопись начала 13 века помещает его сразу после 9-й главы III книги, и по содержанию такое расположение текста представляется оправданным. Более поздние манускрипты Кельна и Дюссельдорфа выделяют текст «О лицемерах» в отдельную книгу и помещают ее в конце трактата, что противоречит прологу I книги «Об обители души».

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить своего коллегу, выпускника Санкт-Петербургского государственного университета, а ныне постдока в университете Радбода Глеба Шмидта, неоценимая помощь которого сделала для меня возможным знакомство с рукописью Vobl. 30071, находящейся в Оксфорде.

Библиография

1. Редькова И.С. Город глазами средневекового монаха (по экзегетическим текстам первой половины XII века). М.-СПб., 2020.
2. Редькова И. С. Пространство города в экзегетическом трактате Гуго Фольетского «De clauastro animae» // Вестник Московского Государственного Университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 3-14.

3. Редькова И.С. Рецепция учения Августина о граде Божьем в западноевропейской экзегетике первой половины XII века // Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях. М.: Издательство ПСТГУ, 2016. 248 с. – С. 82-103.

4. Филиппов И.С. Библиейские цитаты и аллюзии в проповедях Цезария Арелатского // Средние века. 2014 №75 (4). С. 141-156.

5. Breitenstein M. Das "Haus des Gewissens": Zur Konstruktion und Bedeutung innerer Räume im Religiosentum des hohen Mittelalters // Geist und Gestalt: Monastische Raumkonzepte als Ausdrucksformen religiöser Leitideen im Mittelalter. Ed. Sonntag, Jörg (Vita Regularis: Ordnungen und Deutungen religiösen Lebens im Mittelalter. Abhandlungen, 69), Berlin : LIT Verlag, 2016. P. 19-55.

6. Brial J. Hugues de Fouilloi, prieur de Saint-Laurent de Heilli // Histoire littéraire de la France. Paris. T. 13, 1879. P. 492-507.

7. Gobry I. Le De Claustro animae d'Hugues de Fouilloy. Amiens: Bibliothèque Municipale and Association Eklitra, 1995.

8. Hugo de Folieto. De claustro animae // PL Vol. 176. Col. 1017-1187.

9. Hugo de Folieto. De ypocrita // Universitäts- und Landesbibliothek Düsseldorf. Ms. B71 133v-146v.

10. Hugo de Folieto. De ypocritis // Diözesan- und Dombibliothek Köln. Ms. Cod. 1008. 99r-109v. 1470. 15 Jh.

11. Hugo de Folieto. De simulatione hypocritarum // Oxford, Bodleian Library, Bodl. 30071. Fol. 110v-132v. 13 c.

12. Negri F. Una lettera de Ugo di Fouilloy e il suo De Claustro animae // Aevum: Rassegna di scienze storiche linguistiche e filologiche. 2011. № 85 (2). P. 353-367. DOI: 10.1400/210087.

13. Negri F. Per una lettura del De Claustro animae di Ugo di Fouilloy. Università degli Studi di Parma. Dipartimento di Filologia Classica e Medievale. Parma, 2012.

THE PATRISTIC TRADITION AND VETUS LATINA TRANSLATION OF THE SCRIPTURES IN THE EXEGESIS OF THE XIIITH CENTURY: THE CASE OF HUGO DE FOLIETO

DOI: 10.25629/HC.2021.12.03

Redkova I.S.

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 21-011-44125\21

Abstract. This paper seeks to explore the Vetust Latina citations as well as patristic tradition in the exegetical treatise «De claustro animae», written by Hugo de Folieto. It deals with the impact of the different from the Vulgata translation Vetust Latina citations and the certain choice of exegetical works on creating the particular style of interpretations, which helps to attribute other texts of the same author and claim the the authorship. It analyses a discovered in manuscripts B72 (Düsseldorf), Cod. 1008 (Köln), Bodl. 30071 (Oxford) firth part of «De claustro animae», discusses its role for / in the text. The article also explores the strategies of interpretation and their role in the emergence of the original exegetical solutions, it also analyses the ways of the reception of these citations in the XIIth century texts. The special focus of the paper is on the use of Vetust Latina and patristic citations as a method to determine the authorship.

Keywords: Vetust Latina, Hugo of Folieto, regular canons, exegesis, Bible, Gregor the Great, Benedict.